

зии“ у еще в середине XIV века писалось через *ou*. Тогда в этой строке частица „же“ приходилась в самом конце и, возможно, также изображалась в виде выносной буквы *ж*. С изменением правописания, когда в середине слова стали писать простое *у*, строка сократилась, выносное *ж* пришлось поставить в строку и раскрыть титло, что писец и сделал по силе своего разума, и получилось „друзии живяще“.

Трудно сказать, какие ошибки уже были в оригинале Барсовской рукописи и какие внесены ее писцом. К счастью, мы имеем в данном случае хорошо известный текст, сохранившийся во многих списках; в него можно было со временем внести исправления.

Другое дело в „Слове о полку Игореве“. Писец имел единственный список, который ему не с чем было сравнить для исправления накопившихся ошибок. Принимая во внимание необычность текста, можно удивляться, что ошибок и искажений в нем еще не так много. Это обстоятельство, может быть, говорит о том, что со времени своего создания, в XII веке, до времени написания мусин-пушкинской рукописи, в конце XV—начале XVI века, „Слово о полку Игореве“ имело не так много списков. О том же, может быть, свидетельствуют еще сохранившиеся в памятнике следы древнего правописания.

Итак, приняв во внимание все особенности, свойственные более или менее беглому полууставу XV века и первой половины XVI века, а также те характерные черты, которые с большой долей вероятности установлены исследователями для мусин-пушкинской рукописи, мы можем представить себе правописание этого памятника. Мы даже можем указать подобные рукописи в различных собраниях. Такова, например, по системе сокращений и лигатур рукопись XV века Барсовского собрания, откуда мы привели образец и искажения текста.¹ Но указать рукопись, близкую по графике сгоревшему сборнику Мусина-Пушкина, конечно, невозможно. Во-первых, мы не знаем, был ли это полуустав обычного размера или мелкий; во-вторых, не известно (если считаться с заявлением Селивановского), какой из типов полуустава XV—XVI веков надо принимать для погибшей рукописи „Слова“ — более геометрический или круглящийся, несколько подражающий греческим начертаниям.²

Итак, со времени создания поэмы, в XII веке, к XV веку, т. е. ко времени написания мусин-пушкинской рукописи, в тексте не могли не появиться неправильные написания. Они вызывались или неверным осмыслением ставших непонятными выражений, или утратой каких-либо знаков, или обычными „ошибками“ писцов — вроде гаплографии, или, наконец, особенностями говора писцов. Таким образом если в самой рукописи Мусина-Пушкина имелись искажения текста и ошибки, то непонимание и непривычка к чтению древнего письма добавили новые ошибки при копировании в XVIII веке. Особенно это сказалось в разделении слов, в неправильном раскрытии титла и, может быть, в недосмотре и пропуске некоторых побледневших выносных букв.

Надо принять во внимание, что в конце XVIII века при издании памятников не придавали большого значения особенностям правописания и начертаний и не считали необходимым делать оговорки и примечания относительно спорных и неясных мест. Однако несомненно,

¹ Содержит один из известных в науке списков Кормчей с Русской Правдой (XV век, листового размера, писана в два столбца).

² Ср. почерки знаменитой Троицкой псалтыри XV века или, например, рукописи ГИМ, Епарх., № 86, XV в.